

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в.
в научных рефлексиях Ф. И. Буслаева**

Выполнено по государственному заданию Минобрнауки России

Эта статья открывает серию публикаций, посвященных интерпретации с культурно-исторических позиций творческого наследия великого русского ученого Ф. И. Буслаева.

Его имя обычно твердо ассоциируется с языкознанием, палеографией, филологией, фольклористикой. С начала 90-х гг. XX в. о Ф. И. Буслаеве стали говорить как об основателе культурологии в России. В его труднообозримом по эвристическому потенциалу исследовательском багаже стали замечать прообразы этнолингвистики, исторической психологии, структурной семасиологии, структурно-семиотического изучения мифотворчества первобытных народов.

Однако и этот солидный перечень направлений научного поиска не исчерпывает всего грандиозного масштаба личности ученого, имя которого уже в начале XX столетия было незаслуженно забыто, а идеи и мысли либо отвергнуты, либо неверно истолкованы.

Наш интерес к творчеству Ф. И. Буслаева объясняется не только стремлением отдать честь научным заслугам ученого, подготовившего прорыв современного гуманитарного знания. Никто из наших предшественников не проявлял должного внимания к историческим и историко-культурным направлениям его научной деятельности, хотя сам Ф. И. Буслаев не мог точно определить свой ученый статус, идентифицируя себя то с историками, то с филологами, а в последние десятилетия жизнотворчества – с этнографами.

Он первым в России начал создавать курсы истории мировой литературы, истории христианского и западноевропейского средневекового искусства, «подтягивая» отечественную гуманитаристику до европейского уровня исследований.

Испытывая особое влечение к глубинным пластам человеческой психики – сфере коллективного бессознательного, мифологическому мышлению и порожденным им духовным практикам и поведенческим реакциям, он первым в нашей стране приступил к реставрации картины мира архаических (дописьменных) и древних обществ. Фокусирование интереса антропологически ориентированной истории и культурологии на этих же проблемах свидетельствует о даре научного предвидения Ф. И. Буслаева.

Задолго до «лингвистического поворота», изменившего содержание исторического дискурса, именно он осуществил «экспансию лингвистических методов» на гуманитарные науки, положив языкознание в основание новой дисциплины о культуре, или «народном духе», и его проявлениях в словесном и изобразительном искусстве. Его труды по языковому мировидению и духовной культуре индоевропейских народов, по фундаментальным основаниям национальной культуры, которые создавались на обширных исторических и этнографических материалах и подкреплялись рецепциями идей немецкой классической филологии, составляют тот теоретико-методологический фундамент, на котором может возводиться здание новой культурной истории, теории и истории культуры.

Мы уделили также большое внимание той духовно-интеллектуальной среде, которая формировала стиль мышления Ф. И. Буслаева и влияла на смену его исследовательских парадигм.

Ключевые слова: история культуры, историческая психология, этнолингвистика, этнография, гуманитарные науки, немецкое языкознание, славяноведение, «народный дух», духовный склад русского народа, «новая наука» о русской народности.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Intellectual Challenges of the 30–60-s in the 19th century in F. I. Buslaev's Scientific Reflections

This article starts a series of publications devoted to interpretation of the creative heritage of great Russian scientist F. I. Buslaev from cultural and historical positions.

His name is traditionally associated with linguistics, paleography, philology, folklore studies. Since the beginning of the 90-s of the 20th century they started to speak about F. I. Buslaev as a founder of culturology in Russia. In his research baggage, difficult foreseeable on heuristic potential they began to notice prototypes of ethno-linguistics, historical psychology, structural semasiology, structural and semiotics studying of formation of myths of the primitive peoples.

However, this solid list of the directions of his scientific search doesn't exhaust all grandiose scale of the personality of the scientist, whose name was unfairly forgotten in the beginning of the XX century, and ideas and thoughts were either rejected or interpreted incorrectly.

Our interest in F. I. Buslaev's creativity is proved not only with our desire to salute scientific merits of the scientist, who prepared a break in modern humanitarian knowledge. None of our predecessors payed attention to historical and historical-cultural directions of his scientific activity, though F. I. Buslaev by himself couldn't define precisely his scientific status, identifying himself either with historians or with philologists, and in last decades of his life with ethnographers.

He was the first in Russia who started to make courses on history of the world literature, history of Christian and Western European medieval art, «tightening» Russian humanitaristics to the European level of researches.

Having a special attraction to deep layers of human mentality – the sphere of collective unconscious, to mythological thinking and spirituality and behavioural reactions generated by him, he was the first in Russia who started restoration of the picture of the world of archaic (preliterate) and ancient societies. Focusing of interest of anthropologically focused history and cultural science on the same problems demonstrates F. I. Buslaev's gift of scientific foreknowledge.

Long before the «linguistic turn», which changed the maintenance of the historical discourse, it was he who carried out «expansion of linguistic methods» on the humanities, having put linguistics into the basis of a new discipline about culture, or «national spirit», and its manifestations in the verbal and fine arts. His works on language world perception and spiritual culture of the Indo-European people, on the fundamental bases of the national culture, which were created on extensive historical and ethnographic materials and were supported with receptions of ideas of the German classical philosophy, make that theoretic-methodological base on which the building of modern cultural history, the theory and cultural history can be built.

We have paid attention to that spiritual and intellectual environment which formed the style of F. I. Buslaev's thinking and influenced the change of his research paradigms.

Keywords: cultural history, historical psychology, ethnolinguistics, ethnography, the humanities, the German linguistics, Slavic studies, «national spirit», a spiritual depository of the Russian people, «new science» about the Russian nationality.

Гордость русской науки – академик Федор Иванович Буслаев (1818–1897) по праву может возглавлять плеяду самых талантливых, уникальных отечественных ученых XIX в. «Ученого подобного типа у нас не было ни до него, ни позже» [2, с. 3]. Его труды по языкознанию, фольклору, истории культуры, направленные на выявление глубинных истоков национального самосознания, духовного мира человека отдаленных исторических эпох, культурного кода ранних цивилизаций, не только подготовили прорыв в русском гуманитарном знании пореформенной эпохи – они вызвали «настоящий переворот» в общественных умонастроениях соотечественников, признавших, во многом благодаря его усилиям, высокое нравственно-патриотическое значение опытов проникновения в «народный дух», «национальный дух», «национальный характер», «родную старину».

Ф. И. Буслаев вступил на научное поприще на рубеже 30–40-х гг. XIX в. – тот «смутный период брожения» отечественного гуманитарного знания, когда контуры человековедческих, народоведческих и обществоведческих дисциплин еще только намечались. История, раньше других гуманитарных наук оформившая предметное поле своих исследований, занимала среди них явно лидирующие позиции, но в России она еще была в то время «исключительно историей государства» [9, с. 2]. Этнография и славяноведение находились в состоянии эмбрионального развития. Немногочисленные любители народной словесности занимались сбором старинных песен и сказок, но их изредка появлявшиеся сборники «народной поэзии» имели «весьма случайное, иногда сомнительное происхождение». Поверхностные комментарии к ним, принадлежавшие главным авторитетам в этой области изучения: И. М. Снегиреву и И. П. Сахарову, – были лишены, по отзывам со-

временников, «не только научного достоинства, но и иногда здравого смысла» [9, с. 2]. К тому же «народная бытовая старина и обычай», которые могли бы поведать немало об особом мироощущении слабо подверженных исторической изменчивости жителей российской глубинки, первых коллекционеров народных раритетов явно не интересовали.

Славянский мир, частью которого были наши соотечественники, тоже был известен «чрезвычайно отрывно и лишь немногим любителям», чьи историко-этнографические этюды не претендовали на объяснение «судеб и характера русской народности» [9, с. 3].

На этом блеклом фоне, характеризующем состояние наук о человеке и обществе в России, достижения западноевропейских и особенно немецких ученых выглядели настоящим откровением.

К 30–40-м гг. XIX в. Германия уже могла гордиться не только своими великими философскими умами, которые, по словам В. И. Герье, внесли в «духовный мир человека понимание истории, идею законного, мирного, органического развития, идею прогресса» [цит. по: 9, с. 15]. Явлением общечеловеческого масштаба стало зарождение знаменитой немецкой исторической школы, доказавшей естественное происхождение и развитие исторических явлений, противопоставившей отвлеченному рационализму французской философии точные и последовательные построения социально-экономических и политико-правовых процессов. Следуя философии И. Канта, признанной новым теоретическим основанием исторических реконструкций, представители немецкой исторической школы сообщили «дух критического анализа» всем своим трудам, поражающим глубиной исторической критики и обширностью горизонта изучения генезиса и развития процессов,

явлений, структур, учреждений, в том числе и архаических, содержавших исконные формы самобытной национальной культуры.

Богатое и разностороннее содержание немецкой исторической науки, давшее импульс к формированию смежных отраслей этнографического, культурно-исторического, литературоведческого знания, вместе с тем продолжало сохранять открытость для впитывания, как тогда говорили, «возбуждений, исходивших» [9, с. 4] от филологических наук, главным образом языкознания – еще одного феномена интеллектуальной жизни Германии XIX в. Подобно истории, языкознание активно осваивало идею развития применительно к лингвокогнитивным явлениям, питало склонность к исследованию доисторических эпох – времени формирования самобытного «народного духа», вовлекало в научный оборот бесценные памятники национальной старины, сопровождая их публикации детальными научно-критическими комментариями.

Немецкое языкознание развивалось тогда в трех основных направлениях: сравнительном, основателем которого был Ф. Бопп, историческом, во главе которого стоял Я. Гримм, и философском, заслуга разработки которого принадлежала В. Гумбольдту. Сравнительное языкознание впервые установило факт единства происхождения целой группы индоевропейских (индогерманских, арийских) языков. Признание тесного родства громадной группы индоевропейцев открывало, в свою очередь, перспективу их последовательного развития при помощи компаративного анализа типологически схожих, но различившихся в деталях языковых особенностей генетически близких народов.

Я. Гримм одновременно с Ф. Боппом предпринял историческое изучение изменений немецкого языка в разные культурно-исторические эпохи его существования. Ретроспективный анализ, соединенный со скрупулезно проведенными сравнительно-историческими процедурами филологических материалов, позволил ему восстановить картину развития языка от его старейших форм, до которых еще не достигали документальные свидетельства и которые не поддавались научной верификации историков: эпохи индоевропейского единства и времени появления первых самостоятельных племен – прямых потомков индо-иранцев (ариев). Самые ранние в истории человечества – так называемые доисторические периоды, прежде вызывавшие только исключительно произвольные догадки ученых, теперь словно воссоставали из не-

бытия в своей монументальной целостности, давая возможность исследовать истоки самобытной жизни народности: ее архаический материальный быт, первозданные семейно-родовые структуры и политико-правовые учреждения, глубинные слои религиозно-мифологического сознания, древнейшие нравы и традиции, следы экономических и культурных влияний соседних племен, первоначальные результаты перекрестного взаимодействия.

Изучение неповторимого «народного духа» через язык, безыскусственную поэзию, предание, визуальные памятники старины превратилось в Германии в предмет небывалого прежде ревностного научного интереса, вызвавшего интеллектуальные инверсии в способах постижения неизблемых основ национального характера, национальной исторической судьбы.

Теоретическим основанием историко-лингвистического исследования фундамента национальной культуры и глубинных социокультурных процессов становится философская антропология, которая, благодаря гениальным прозрениям В. Гумбольдта, объяснила, как общечеловеческая языковая способность «превращения мира в мысли» позволяет понять «историю мыслей и чувств человечества» на всех этапах цивилизационного развития, а использование «языкового мировидения» народа, заключавшего в себе «различные способы мышления и восприятия», дает шанс проникнуть в тайны его духа и, следовательно, объяснить национальное своеобразие [5, с. 349].

Интеллектуальные вызовы немецкой науки в культурном пространстве России получили большой резонанс: здесь уже в первой трети XIX в. «движение в умственной жизни» начало сосредотачиваться на изучении народа как «самобытного стихийного начала» и народности «как всестороннего выражения народного духа» [7, с. 129, 130]. Стремление «окунуться в народ, подслушать тайны его внутренней жизни, собрать и осветить его поэтическое творчество» было, по мнению известного российского литературного критика, академика А. Н. Пыпина, сначала только «незначительным инстинктом национальной потребности», но постепенно под воздействием социально-политических событий, как российского, так и европейского масштаба, вылилось в настоятельную злободневную задачу постижения национальной уникальности, ценностно-смыслового характера национальной культуры [9, с. 352, 354].

Ф. И. Буслаев называл эпоху пробуждения интереса к народности и духовному миру «масс

народных» «великодушным предприятием», которое полностью коррелировало с «господствующими идеями, со всем умственным и нравственным, общественным и политическим направлением», ставшим особенно актуальным для русской интеллигенции в начале 60-х гг. XIX в. [3, с. 401].

Алгоритм изучения фундаментальных начал национальной идентичности – именно так на языке современной гуманитаристики мы обозначили бы сегодня стремление наших коллег XIX в. постичь народный дух – через сравнительно-историческое языкознание, вовлекавшее в свою эпистемологическую орбиту историю, этнографию, историю литературы и права, мифологию, был разработан в Германии, но в ходе ответных научных рефлексий российских ученых, также отныне стремившихся к реконструкции «реальной народной личности» [9, с. 3], «со всеми условиями ее жизни... с прошлым и настоящим... с художественными и нравственными идеалами» [6, с. 175], началось быстрое развитие отечественных так называемых «гуманных наук», превращавшихся, как и в Германии, в «прикладное языкознание» – признанное наиболее точным, беспристрастным и адекватным способом изучения «души народа».

К середине XIX в. в России в тесном взаимодействии друг с другом начали формироваться такие дисциплины, как русская и славянская фольклористика, сравнительно-историческое языкознание, сравнительная мифология, история древнерусской литературы, история русского искусства, этнография [12, с. 17]. Объединенные задачей постижения, или «уразумения», народности «во всем разнообразии ее физических и нравственных начал» [7, с. 129, 130], эти науки долго не могли определить предмет исследования и тяготели не к параллельному обособленному существованию, а напротив, к консолидации, интеграции своих теоретических статусов и исследовательских лабораторий. Совокупными усилиями ученых, сведущих, благодаря энциклопедической университетской образованности, во всех этих плотно соприкасавшихся направлениях развития «гуманных» наук, в России шел процесс создания междисциплинарного дискурса – единственно возможной в то время стратегии, призванной реализовать идею осмысления национальной ментальности, притягивавшей новейшие версии поиска научной истины при ее реконструкции в культурно-исторической плоскости.

К числу таких ученых принадлежал и Ф. И. Буслаев, обладавший, по отзывам коллег из

научного цеха, колоссальной эрудицией и подлинной европейской ученостью [6, с. 158, 159]. Начиная свой долгий путь в науке с реформатора гимназического обучения русскому языку на теоретическом фундаменте немецкого языкознания и философии, он уже менее чем через десять лет приобрел такой вес в российском ученом мире, что о нем стали говорить как о подлинном основателе «новой науки» о русской народности [13, с. 9]. Кроме того, его признали «первым начинателем у нас того направления науки, которое было создано в Германии, в особенности трудами Гримма» [9, с. 75].

Ему удалось определить «контур» синтетической дисциплины о народной культуре, которая сочетала в себе элементы фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания» [8, с. 21]. Создание этой новой по совокупности поднимавшихся проблем, теоретических спекуляций, спектру новых подходов и методов генерирующей все успехи гуманитаристики науки «о народном духе, или истории духовной культуры... преимущественно в ранний период и эпоху доисторическую» [11, с. 636] осуществлялось Буслаевым на протяжении всего его жизнетворчества, с конца 30-х по начало 80-х гг. XIX в. За этот длительный отрезок времени, растянувшийся на полстолетия, Ф. И. Буслаев неоднократно менял ориентиры научных изысканий, приращивая к языкознанию – его главному профессиональному профилю – историю русской словесности, историю литературы, средневековое искусство, «археологию» христианской и европейской художественной эстетики. «Его свободная и гибкая мысль не способна была закоснеть в пределах одной какой-нибудь догмы», – писал о Ф. И. Буслаеве в начале XX столетия преподаватель Московского университета П. Сакулин [10, с. 5]. Чуждый «ортодоксального доктринерства», Ф. И. Буслаев настойчиво работал над «своим научным самоопределением» [10, с. 5, 7], пробуя свои силы в разных эпистемологических режимах (трансцендентальная философия и позитивизм), во всех существовавших в идеографических науках его времени направлениях изучения «продуктов народного духа» (мифологическом, историческом, этнографическом).

Хотя страх прослыть «поверхностным энциклопедистом» его никогда не покидал [10, с. 9], сегодня очевидно, что «пытливая любознательность» ученого всегда была нацелена на изучение архетипов национальных культур, психологии

народного творчества, менталитета и культуры повседневности человека доиндустриальных обществ – тех проблем, которые и сегодня продолжают оставаться востребованными в теории и истории культуры.

Выбор «угла зрения» в изучении народного духа и его многообразных проявлений определялся исследовательским потенциалом наук-сателлитов о человеке и обществе, а также мировоззренческими и нравственными запросами времени, на которые Ф. И. Буслаев чутко реагировал. Если в ретроспективном плане попытаться восстановить последовательность сменявшихся исследовательских интересов академика, то можно обнаружить временные отрезки длиной приблизительно в десять лет: 40-е, 50-е, 60-е, 70-е гг.

Эти ступени восхождения к новым эвристическим горизонтам, органично сплетенные друг с другом, не всегда прямолинейно совпадают с этапами развития в России общественно-политических движений и появления новых идейных течений. Ф. И. Буслаев никогда не проявлял интереса к текущей политике, не примыкал к каким-либо четко выраженным общественным группировкам [1, с. 48]. Он всецело отдавал себя науке, жил исключительно научными интересами, поэтому в периодизации его житнетворчества нет намеков на явное влияние историко-событийного контекста, и если какие-либо совпадения и можно выявить, то их следует объяснять не сиюминутными конъюнктурными соображениями, а близкими его ощущениям времени колебаниями векторов движения научной мысли, воздействиями духовно-интеллектуального контекста.

Вместе с тем хорошо известно, что XIX век – «век истории», век российского просвещения – был для отчизны Ф. И. Буслаева особенным. Как и все его соотечественники, он жил в атмосфере постоянных изменений. Они затрагивали коренные устои жизни русского общества и государственности, проникали в университетский уклад жизни, близкий ему по роду профессиональной и научной деятельности, меняли общественные интересы и ценности.

Прекрасно осознавая происходившие в России перемены, Ф. И. Буслаев был вынужден заявлять о своей причастности к неравнодушной интеллигенции главным образом тогда, когда отбивался от настойчивых упреков и обвинений представителей либерально-демократической мысли в обскурантизме, ретроградстве и апологии невежества, доказывая полезность своих трудов как для формирующейся науки о духовном мире народности,

так и для совершенствования нравственных устоев своих современников, которые еще не осознали «великую заслугу... скромной деятельности народных масс» в возведении основания «здания многовековой цивилизации» [4, с. 651].

Ученый был верен своему жизненному кредо, смысл которого заключался не в общественно-политической полемике, а в систематизации идей и упорядочении необъятного материала о духовном складе русского народа как неотъемлемой части индоевропейского единства в доисторический период существования, теоретическом обосновании и апробации методов культурно-исторического изучения народного мирозерцания, или национального «образа мира».

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики : в 2 т. – Т. 2 [Текст]. – М., 1963.
2. Азбелев, С. Н. Ф. И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса [Текст] // Русская литература: Историко-литературный журнал. – СПб., 1991. – № 4. – С. 3–17.
3. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 401–454.
4. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] // Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. – 1872. – № 10. – С. 645–727.
5. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков [Текст] // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 346–349.
6. Кирпичников, А. Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов [Текст] // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 148–198.
7. Ляцкий, Е. Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности [Текст] // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 129–147.
8. Миллер, В. Памяти Федора Ивановича Буслаева [Текст] // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 5–42.
9. Пыпин, А. Н. История русской этнографии : в 2 т. – Т. 2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская [Текст]. – СПб., 1891.
10. Сакулин, П. В. В поисках научной методологии. Ф. И. Буслаев [Текст] // Голос минувшего: Журнал истории и литературы. – 1919. – № 1–4. – С. 5–29.
11. Топорков, А. Л. Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель [Текст] // Федор Буслаев. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – М., 2006. – С. 634–642.
12. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст]. – М., 1997.

13. Шахматов, А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка [Текст] // Четыре речи, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1898 года. – СПб., 1898.

Bibliograficheskij spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki : v 2 t. – T. 2 [Текст]. – М., 1963.

2. Azbelev, S. N. F. I. Buslaev i ego ucheniki ob istoriko-bytovyh osnovah narodnogo jeposa [Текст] // Russkaja literatura: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – SPb., 1991. – № 4. – S. 3–17.

3. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Текст] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 401–454.

4. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izučenie narodnogo byta i poezii [Текст] // Russkij vestnik: Zhurnal literaturnyj i politicheskij, izdavaemyj M. Katkovym. – 1872. – № 10. – S. 645–727.

5. Gumbol'dt, V. Ob izučenii jazykov, ili plan sistematicheskoi jenciklopedii vseh jazykov [Текст] // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury / sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – М., 1985. – S. 346–349.

6. Kirpichnikov, A. F. I. Buslaev kak ideal'nyj professor 60-h godov [Текст] // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – М., 1898. – S. 148–198.

7. Ljackij, E. Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoj slovesnosti [Текст] // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – М., 1898. – S. 129–147.

8. Miller, Vs. Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva [Текст] // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – М., 1898. – S. 5–42.

9. Pypin, A. N. Istorija russkoj jetnografii : v 2 t. – T. 2. Obshhij obzor izučenij narodnosti i jetnografija velikorusskaja [Текст]. – SPb., 1891.

10. Sakulin, P. V. poiskah nauchnoj metodologii. F. I. Buslaev [Текст] // Golos minuvshego: Zhurnal istorii i literatury. – 1919. – № 1–4. – S. 5–29.

11. Toporkov, A. L. F. I. Buslaev: filolog i myslitel' [Текст] // Fedor Buslaev. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – М., 2006. – S. 634–642.

12. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologicheskoi nauke XIX veka [Текст]. – М., 1997.

13. Shahmatov, A. A. Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izučenija russkogo jazyka [Текст] // Chetyre rechi, chitannye v zasedanii Otdela Komenskogo 21 janvarja 1898 goda. – SPb., 1898.